

НАЦИОНАЛЬНАЯ «ЗЕЛЕНАЯ» ТАКСОНОМИЯ И ВЫЗОВЫ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ РОССИИ

Ринат Искандярович РЕЗВАНОВ^{1,2}

¹Старший научный сотрудник Центра международных финансов
Федерального государственного бюджетного учреждения

«Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации»

²Советник по образовательной деятельности и направлению устойчивого развития
Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный
исследовательский центр картофеля им. А.Г. Лорха»

Адрес для корреспонденции: 140051, Московская область, городской округ Люберцы,
д.п. Красково, ул. Лорха, д. 23 «В». Т.: +7 (498) 645-03-03. E-mail: kraspgk@yandex.ru

Аннотация

В центре исследовательского внимания статьи – проблематика ESG-трансформации российского сельского хозяйства и АПК, прежде всего через рассмотрение вопросов инвестиционной структуры отрасли и особенностей принятой в 2021 году национальной «зеленой» таксономии.

В рамках настоящей работы сделан ряд выводов, исходящих, в частности, из представления о дифференциальной структуризации модели национальной таксономии, где наиболее крупные секторы – эмитенты парниковых газов – оказались в структуре «зеленых» проектов. Остальные, с относительно меньшей карбоновой эмиссией – в структуре адаптационных проектов. Несмотря на декларируемую необходимость пропорционального увеличения частного (внебюджетного) финансирования, тем не менее доминирующей в отрасли продолжает оставаться роль государства. При этом, несмотря на заявляемую крупными отраслевыми акторами приверженность принципам устойчивого развития, объем коинвестиций в российском сельском хозяйстве и АПК демонстрирует тревожную тенденцию к сокращению. Положительно оценивается значение утвержденной российским правительством национальной «зеленой» таксономии и инкорпорирование в ее структуру сельского хозяйства как отдельного направления. При этом обращается внимание на наличие в концептуальной и содержательной элементах таксономии нераскрытых либо непрозрачных пунктов.

Ключевые слова

«Зеленая» экономика; ESG-трансформация; национальная «зеленая» таксономия; устойчивое (ответственное) финансирование; ВЭБ.РФ; климатически оптимизированное сельское хозяйство; климатическая адаптация.

NATIONAL GREEN TAXONOMY AND CHALLENGES OF ESG-TRANSFORMATION IN RUSSIAN AGRICULTURE

Rinat I. REZVANOV¹

¹Advisor for Sustainable Development and Academic Activities (SD/AA), Federal State Budgetary Institution of Science «Lorch Potato Federal Research Centre»

²Senior Researcher of International Finance Centre,
Federal State Budgetary Institution

«Financial Research Institute of the Ministry of Finance Russian Federation»

Address for correspondence: 140051, Russian Federation, Moscow region, Lyubertsy urban district, Kraskovo, Lorkh Str., 23 V., T.: +7 (498) 645-03-03. E-mail: kraspgk@yandex.ru

Abstract

The research focus of the article is on the issues of the ESG-transformation of Russian agriculture and agro-industrial complex, primarily through consideration of the investment structure of the industry and the features of the national green taxonomy adopted in 2021.

In the framework of this work, a number of conclusions were made, based, in particular, on the idea of the differential structuring of the national taxonomy model, where the largest greenhouse gas emitting sectors were in the structure of green projects. The rest, with relatively lower carbon emissions, are in the structure of adaptation projects. Despite the declared need for a proportional increase in private (extrabudgetary) financing, nevertheless, the role of the state continues to be dominant in the industry. At the same time, despite the commitment to the principles of sustainable development declared by major industry actors, the volume of eco-investments in Russian agriculture and the agro-industrial complex is demonstrating an alarming downward trend. The significance of the national «green» taxonomy approved by the Russian government and the incorporation of agriculture into its structure as a separate direction is positively assessed. At the same time, attention is drawn to the presence of undisclosed or opaque items in the conceptual and content elements of the taxonomy.

Keywords

Green Economy; ESG-transformation; National Green Taxonomy; Sustainable and Responsible Financing; VEB.RF; Climate-Smart Agriculture; Climate Change Adaptation.

Введение

Активизация дискуссии вокруг низко- либо безуглеродной проблематики («чистые нулевые выбросы», Net Zero) в российской общественной повестке значительно актуализировала тему развития ESG-концепта в стране.

Действительно, разве «E-environmental» – проблема сохранения устойчивости окружающей среды и необходимости смягчения (максимального

нивелирования) значительно возросшего с середины 1950-х годов негативного воздействия человека на экосистему Земли как фактора «Великого ускорения» (Great Acceleration) – не находится в числе основных доминант политического, социального и экономического развития большинства стран мира? [Резванов Р.И., 2020]

А «S-Social»? – в ситуации трансформации прежде социокультурно сцементированных, а потому казавшихся незыблемыми ценностных и смысловых подходов, коренным образом меняющих прежние представления о нормах социального поведения. Мы являемся свидетелями довольно интенсивного появления и последующего перетекания новых дискурсов сквозь рвущуюся ткань общественных и пространственных лимесов. Вспыхивающие яростные дискуссии о поведенческих паттернах, равенстве возможностей, доминировании и доступе к общественным благам – уже не являются строго национальными, на поверку оказываясь глобальными. Не являясь строго стратифицированными по целому ряду признаков, они с легкостью перетекают через пределы сегментированных идентичностей далее – в нормы и принципы корпоративных этико-поведенческих кодексов, а следом и в традиционно менее лабильные пределы государственного и общественного управления.

Именно «G-Governance» – управление – становится пространством, где вырабатывается и закрепляется механика реагирования на вызовы времени. Значимым становится то, каким образом в практиках корпоративного управления отразятся и зафиксируются подходы и стратегии устойчивого развития, вплоть до выработки своего метаязыка и семантического поля.

С другой стороны, мы становимся свидетелями разрастания ложноположительной аберрации, когда вся совокупность ESG-пространства становится равнозначной/уравненной с категориями декарбонизации. Безусловно, за таким подходом кроется изначально неверное понимание ESG-критериев. Экология сводится к калькулированию CO₂ эмиссии через призму Score 1, 2 & 3, социальная и управленческая составляющие и вовсе нивелируются. В конечном счете подмена комплексности и системности в подходах оказывает негативное воздействие на формирующиеся в России отраслевые направления устойчивого развития, частью которых являются сельское хозяйство и агропромышленный комплекс.

Актуальные проблемы устойчивого развития АПК

Сельское хозяйство – сектор экономики, во многих отношениях напрямую влияющий не только на благосостояние и возможности для непосредственно в нем занятого населения. Это утверждение выходит далеко за

рамки тех 4,2 млн человек²⁰ наших сограждан, согласно статданным занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве [Труд и занятость, 2019]. Сторонники «зеленой» экономики вполне справедливо предполагают, что принятие ESG-подходов в экономике может предоставить дополнительные социально-экономические выгоды. Это относится и к созданию рабочих мест, развитию сферы «зеленой» занятости – относящимся к неотъемлемым составляющим «зеленой» экономики. Концепция «зеленых» рабочих мест на сегодня прочно увязывается с созданием дополнительных возможностей, в частности для социально нестабильных и экономически уязвимых сообществ. Здесь упор в первую очередь делается на устойчивости региональных (локальных) рынков труда, например, путем развития тех же новых возможностей в сфере трудоустройства и принятия либо изменений соответствующих требований к знаниям, навыкам и компетенциям; устойчивости к климатическим вызовам, а также внутренней устойчивости самих локальных сообществ.

Согласно ЮНЕП²¹, «зеленая» экономика в развивающихся странах может использовать преимущества новых траекторий роста, которые являются социально инклюзивными, реагируя на искоренение бедности и поощряя экономическую диверсификацию [UNEP, 2011]. Если обратиться к российской практике, то за прошедшее десятилетие почти не претерпел изменений показатель доли населения, денежные доходы которого оказались ниже величины прожиточного минимума²². По данным Росстата, за десятилетие, с 2011 по 2020 гг., доля малоимущего населения в стране варьировалась от минимума в 10,7 % (это 15,4 млн чел.) в 2012 году до максимальных 13,4 % (19,6 млн чел.) в 2015 году. По состоянию на 2020 год доля бедных в стране составляет 12,1 % (17,8 млн чел.), что лишь немногим уступает показателям десятилетней давности – 12,7% (17,9 млн чел.) в 2011 году. При этом по умолчанию сельское хозяйство стало отраслью, концентрирующей, с одной стороны, относительно высокое число занятого населения, а с другой – имеющей один из наиболее низких в стране показателей начисленной средней заработной платы. Так, по данным Росстата, на 2019 год средняя зарплата квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства составила 29 374 руб., – этот показатель значительно уступает другой категории квалифицированных рабочих – в сфере промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий, у которых средняя

²⁰ Примечание: По состоянию на 2018 год, по данным Росстата.

²¹ Примечание: Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП).

²² Для информации: на 2021 год величина прожиточного минимума в России, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 г. № 2406, составила 11 653 руб.

начисленная зарплата оказалась на уровне 42 944 руб. В конечном счете сельскохозяйственные работники оказались гораздо ближе к категории неквалифицированных рабочих со средней начисленной зарплатой в 2019 году на уровне 23 567 руб²³.

В целом необходимо признать, что со стороны высшего руководства страны проблема бедности населения не только признается как таковая, но и акцентируется в российском внутривластном пространстве: «Враг еще не побежден. А враг кто у нас? Бедность значительного числа населения, нерешенные проблемы в системе здравоохранения, образования, в развитии инфраструктуры», – именно данные слова стали рефреном встречи президента РФ В. Путина на встрече в конце сентября 2021 года с правительством и представителями партий, прошедших в состав Госдумы РФ VIII созыва [Кузьмин В., 2021].

ESG-траектории базируются на трех основных действиях в этом направлении: повышении уровня жизни, создании возможностей трудоустройства и сокращении бедности. При реализации проектов «зеленой» экономики необходимо учитывать необходимость в комплексном учете всех этих направлений. Исходная позиция апеллирует к самой природе сельского хозяйства, исполняющего для человека ряд взаимосвязанных функций, охватывающих социальную, экономическую и экологическую сферы, включая производство продуктов питания, предоставление экологических услуг, средств к существованию и расширение пространства экономических возможностей.

Если обратиться к проблематике низкоуглеродного развития российского сельского хозяйства, то здесь индикаторы общего объема выбросов парниковых газов (в млн тонн CO₂-эквивалента в год) указывают на возросшие с 2010 года цифры: со 103,53 млн тонн до 114,17 млн тонн в 2019-м (или на 10,28 %) ^{24, 25}.

За счет каких направлений достигнут столь существенный прирост? Для этого необходимо проанализировать генерирующие основной «углеродный след» сельскохозяйственные направления (Табл. 1).

²³ Росстат: Неравенство и бедность / Дифференциация оплаты труда работников / Уровень оплаты труда, средняя начисленная заработная плата работников организаций по группам занятий. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 21.01.2023).

²⁴ Примечание: Расчеты Росстата приведены на основе данных Российского национального кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом.

²⁵ Росстат: Окружающая среда. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения 21.01.2023).

Таблица 1 – Агросекторы-эмитенты парниковых газов

№ п/п	Агросекторы – эмитенты парниковых газов	Комментарии
1	Внутренняя ферментация сельскохозяйственных животных	Данные по этому направлению за десятилетний период практически не претерпели существенных изменений. Начиная с 2014 года фиксируется даже микротренд снижения углеродного следа: 40,48 млн тонн в 2010 году и 39,09 млн тонн в 2019 году, изменение: 3,4 %
2	Системы сбора и хранения навоза	Сравнительно небольшой рост с 11,55 млн тонн в 2010 году до 12,28 млн тонн в 2019-м, изменение: + 6,3 %
3	Рисоводство	Общие объемы выбросов остались почти неизменными: 0,62 млн тонн в 2010 году и 0,6 в 2019-м, изменение: 3,2 %
4	Возделываемые почвы	Значительный рост, причем наблюдаемый на всем протяжении периода: с 50,1 млн тонн (2010 год) до 61,26 млн тонн (2019 год), изменение: + 22,28 %
5	Известкование и внесение мочевины	Неустойчивая динамика роста на всем протяжении периода: с 0,78 млн тонн (2010 год) до 0,93 млн тонн (2019 год), изменение: + 19,23 %

Несмотря на возросший за последнее десятилетие «карбоновый след» в отечественной сельскохозяйственной отрасли, динамика внутри входящих в его структуру направлений оказывается разнородной. В целом сложившаяся к настоящему времени тенденция позволяет выработать более точечные меры инвестиционного и организационного воздействия, где устойчивые финансовые инструменты могут показать свою эффективность. Но каковы в таком случае возможности развития сектора устойчивого национального финансирования и инвестиционный потенциал российского АПК?

В сентябре 2021 года Минфин России и Банк России вынесли на общественное обсуждение проект «Стратегии развития финансового рынка до 2030 года». Как следует из заявленных целей, предлагаемая Стратегия должна работать на «повышение конкурентоспособности, прозрачности и эффективности финансовой политики и финансового рынка в целом»²⁶. Впрочем, ключевое значение документа определяется тем фактом, что в комплексе с «Основными направлениями развития финансового рынка Российской Федерации»²⁷ и «Дорожной картой по реализации Основных

²⁶ «Минфин России и Банк России представили на общественное обсуждение Стратегию развития финансового рынка до 2030 года» (публикация от 13 сентября 2021 года). – URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=12197> (дата обращения 21.01.2023).

²⁷ Примечание: По проекту «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» по состоянию на сентябрь 2021 года завершен процесс общественных

направлений развития финансового рынка Российской Федерации», Стратегия становится частью комплексного и синхронизированного подхода к стратегическому планированию развития финансового рынка со стороны Правительства РФ и Банка России.

В проект Стратегии включен отдельный параграф, специально посвященный ESG-тематике: «Содействие устойчивому развитию (ESG)». Безусловно, основные ESG-положения Стратегии непосредственно коррелируют с ESG-разделом Основных направлений. Более того, документом прямо заявляется о первостепенной важности «создания стимулов и условий для переориентации потоков капитала на финансирование устойчивого экологического, социального и экономического развития страны, а также адаптации участников финансового рынка к новым видам рисков при переходе к экономике устойчивого развития, в том числе к низкоуглеродной экономике».

Со стороны Банка России признается, что для эффективного функционирования рынка устойчивого развития важно соблюдение принципа прозрачности информации, а значит, и усиления роли и значения публикуемой нефинансовой ESG-отчетности. Отсюда и прописанное в *Основных направлениях* намерение Банка России, совместно с Правительством РФ, определить как правила раскрытия информации о выпускаемых финансовых инструментах, так и требования к ним; создать инфраструктуру для инвестирования в устойчивые активы; сформировать систему независимой внешней оценки (верификации) инструментов финансирования проектов устойчивого развития (все эти параметры приведены в рамках направления «Расширение вклада финансового рынка в достижение целей устойчивого развития – ESG») ²⁸.

Особое значение для отечественного сельскохозяйственного сектора, в процессе внедрения методологических практик устойчивого финансирования (ESG), приобретают вопросы как адаптации участников финансового рынка, согласно проекту «Стратегии развития финансового рынка до 2030 года», так и создания инфраструктуры для привлечения средств в устойчивые активы, в соответствии с проектом «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов». Как подчеркивается отраслевыми аналитиками, основными факторами сдерживания ESG-принципов в российском АПК являются: отсутствие национальной концепции устойчивого развития сельского хозяйства, недостаточность

консультаций. В статье приводятся положения из проекта документа из опубликованной версии для общественного обсуждения (от 23.07.2021, Москва, 2021) и размещенной на официальном портале ЦБ РФ.

²⁸ «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (Проект для общественного обсуждения от 23.07.2021)». – Москва, 2021. – 91 с. – URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/124658/onfrf_project.pdf (дата обращения 21.01.2023).

государственного регулирования (преимущественно этот пункт связан с темой финансовой поддержки ESG-проектов), а также соответствующих систем мониторинга [Кулистикова Т., 2021].

Необходимо признать, что подобный перечень сдерживающих факторов свидетельствует скорее о базовом (стартовом) уровне развития ESG-принципов в отечественном АПК. Со стороны финансовых институтов, уполномоченных со стороны государства на финансирование агропромышленного комплекса, данное обстоятельство косвенно признается, отсюда и отраслевые прогнозы, нацеленные скорее на среднесрочную перспективу, нежели на более близкие по времени сроки: «в перспективе пяти лет ESG-подход станет одним из основополагающих принципов работы отрасли»²⁹. Пока же, согласно данным Росстата, мы имеем дело с уже наметившимся негативным трендом замедления и сокращения экоинвестиций в агропромышленные проекты по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов³⁰.

Рассмотрение сложившейся на сегодня ситуации с экоинвестициями целесообразно начать с рассмотрения интегративного показателя – *охраны окружающей среды*. В целом, в сравнении с 2018 годом, здесь наблюдается рост инвестиций по сектору АПК на 43,3 % в 2020 году, однако качество этого роста оставляет желать лучшего. Во-первых, как следствие срабатывания эффекта чрезвычайно низкой базы – доля сельского хозяйства от общего объема экоинвестиций в охрану окружающей среды в 2020 году в целом по стране составила ничтожно малые 1,17 %. А во-вторых, в сравнении с предыдущим 2019-м годом экоинвестиции 2020 года в АПК вообще показали снижение на 22 %.

Совершенно аналогичная ситуация наблюдается по направлению охраны водных ресурсов: рост на 61,6 % по вложениям в основной капитал к 2018 году. Но и здесь все те же низкая база (1,54 % в 2020 году) и сокращение объема инвестиций по отношению к 2019 году на 18,5 %.

Если по направлению охраны земель объем экоинвестиций в стране увеличился с 2018 по 2020 гг. на 52,8 %, то в сельском хозяйстве за это же время сформировалась совершенно обратная картина – объем инвестиций 2020 года составил 42,1 % от уровня 2018 года. Ситуацию вряд ли можно назвать сколько-нибудь приемлемой, поскольку, по сути, речь идет о существенных рисках развития сектора органического земледелия в России, так как для

²⁹ «Эксперты: ESG-подход станет основным фактором развития АПК в России в перспективе пяти лет». – URL: <https://www.rshb.ru/press/releases/458656/> (дата обращения 21.01.2023). (Данная публикация АО «Россельхозбанк» размещена без приведения даты публикации, является полнотекстовой копией публикации ТАСС от 31.05.2021. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11512943>).

³⁰ Росстат: Окружающая среда. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения 21.01.2023).

органического потребления без использования химикатов требуется на 35 % больше земли, чем в случае обычного аграрного производства ³¹.

Конечно, совершенно низкие показатели 2020 года можно было бы объяснить общей негативной реакцией мировых рынков на вызовы пандемии covid-19, заявившей о себе уже с первого квартала 2020 года и довольно сильно затронувшей российский рынок товарного производства и капитала. Однако, если сравнить «допандемийный» 2019-й с 2018-м годом, то мы увидим гораздо более впечатляющую картину сжатия инвестиций – на 25,8 %.

И, завершая анализ структуры экоинвестиций в сельском хозяйстве, приведем данные по направлению охраны атмосферного воздуха. Надо признать, это самое низкое по капиталоемкости направление экологических инвестиций в отечественном сельском хозяйстве. Но и оно на протяжении последних нескольких лет находится в процессе непрерывного сжатия: если инвестиции 2019 года составили 51,7 % от объемов 2018 года, то в 2020 году – уже 7,4 %.

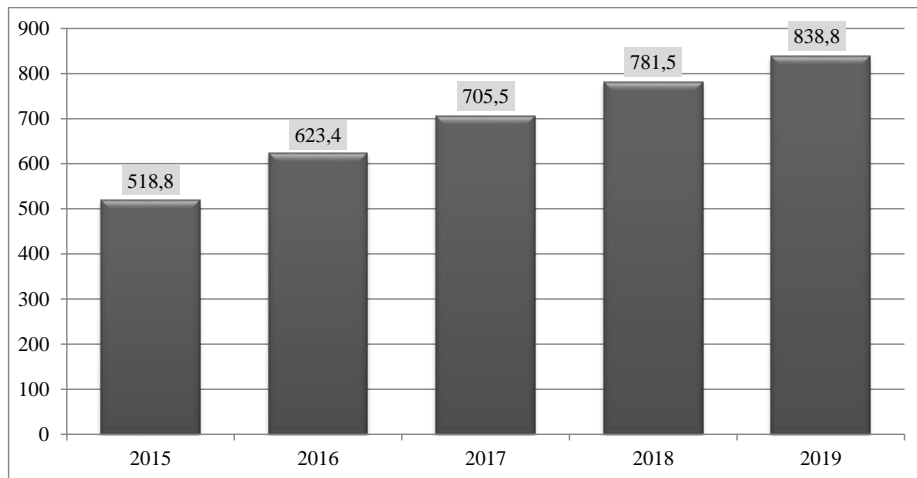
При этом сельское, лесное и рыбное хозяйства в России – один из наиболее динамично растущих секторов экономики по объему инвестиций в основной капитал (*Табл. 2*). Эта динамика хорошо прослеживается на основе данных за вторую половину 2010-х годов, что аргументируется предпринимаемыми со стороны федеральных властей мерами по усилению продовольственной безопасности страны и, соответственно, увеличению показателей самообеспечения по целому ряду агропродовольственных товаров [Резванов, 2022]. Так, если в 2015 году объем вложений составил 518,8 млрд руб, то в 2016-м он увеличился уже на 20,1 %, сохраняя в последующие несколько лет пусть и ниспадающую, но в целом хорошую положительную динамику прироста инвестиций в отечественный АПК. [Агропромышленный комплекс, 2020]. Правда, необходимо признать, что значительная доля капвложений в сельхозсектор приходится на государство: так, например, в одном только 2018 году на него пришлось 37 % от объема вложений в отрасль. Суммарно за период с 2016-го по 2018-й годы из федерального бюджета направлено порядка 800 млрд руб. на нужды развития отечественного АПК [На костылях госсубсидий, 2019].

Надо отметить, что стратегия переноса инвестиционных акцентов с госсубсидий на частный капитал близка китайской модели, где роль частного бизнеса в национальной экономике описывается по формуле «5-6-7-8-9». Это

³¹ «Зеленый» переход: с чего Россия начнет декарбонизацию экономики // РБК: Дискуссионный клуб, 20.09.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/20/09/2021/61489ee09a79479eafbf96584> (дата обращения 21.01.2023).

означает, что на частный сектор приходится более 50 % налогов, 60 % ВВП Китая, 70 % технических инноваций, 80 % занятых в городе и селе и 90 % общего количества предприятий [Островский, 2021].

Таблица 2 – Объем инвестиций в основной капитал сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства, рыбоводства (млрд руб., в текущих ценах)

Источник: [Агропромышленный комплекс, 2020]

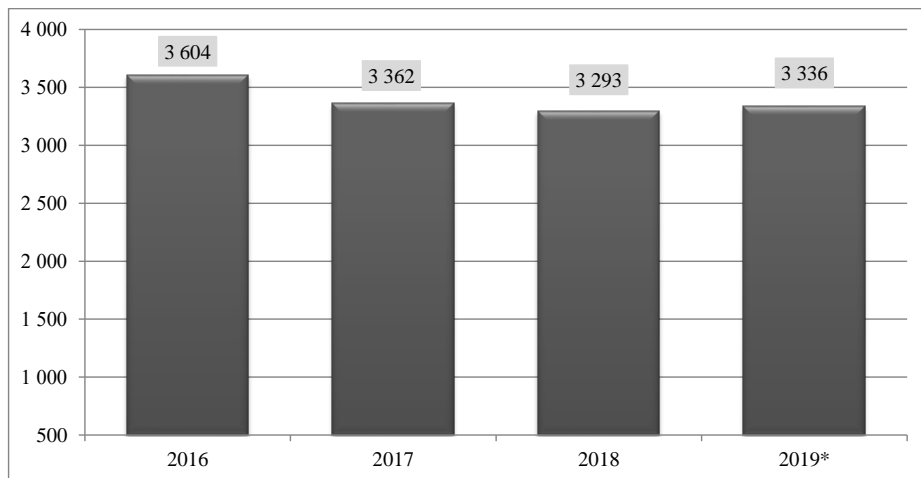
Причем тогда же – во второй половине 2010-х годов – в отрасли начали формироваться разнонаправленные финансово-экономические тенденции: при росте объемов капвложений доля сельского хозяйства и АПК в экономике страны постепенно сокращалась. В том же 2019 году отраслевой объем в структуре ВВП страны снизился до 3,33 трлн руб., в сравнении с 3,6 трлн руб. в 2016-м.³² (Табл. 3). Согласно отчетным данным правительственного Аналитического центра, в период с 2017 по 2019 гг. также фиксируется структурное уменьшение доли сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства на 0,2 % в экономике страны [Динамика и структура, 2020].

На фоне сложившейся ситуации государством в качестве приоритета заявлена необходимость увеличения объема внебюджетных средств в отрасль. На совещании в апреле 2019 года Минсельхозом России был обозначен целевой показатель в 822 млрд руб. внебюджетных инвестиций в 2024 году (при

³² Показатели за 2019 год Statista, одна из крупнейших мировых дата-платформ, приводит в качестве прогнозных, ссылаясь на данные Минэкономразвития РФ (<https://www.statista.com/statistics/1064022/russia-gdp-from-agriculture/>).

среднегодовом темпе роста в 4,5 %). За базовый принят 2017 год с его показателем в 444 млрд руб. частных вложений³³.

Таблица 3 – Годовой объем валового внутреннего продукта (ВВП) сельского хозяйства России (в млрд руб.)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

* Данные на 2019 год приводятся Statista 2022 с учетом прогнозных показателей Минэкономразвития РФ.

На сегодня в российском АПК сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда при относительно и абсолютно возрастающих инвестициях в сельхозсектор объемы устойчивого финансирования (ESG) в отрасли если не сокращаются, то явно замедляются. И это в условиях еще базовых, недостаточно развитых институциональных условий распространения ESG-принципов в АПК, что можно отнести к факторам скорее критическим, нежели нейтральным для общих политик Целей устойчивого развития.

Безусловно, с учетом той финансово-организационной роли, что играет государство в отечественном сельском хозяйстве, вовсе не случайны те большие надежды, возлагаемые на него в конечном счете со стороны участников рынка. Впрочем, с точки зрения развития ESG-принципов, мы пока имеем дело скорее с инерционной траекторией развития отрасли. Здесь достаточно показательным выглядит пример с принятым распоряжением Правительства России от 19 июня 2021 г. № 1671-р «Национальным докладом о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы

³³ «В Минсельхозе обсудили меры по повышению объема инвестиций в сельское хозяйство к 2024 году» (Публикация от 8 апреля 2019). – URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-minselkhoze-obsudili-mery-povysheniyu-obema-investitsiy-v-selskoe-khozyaystvo-k-2024-godu/> (дата обращения 21.01.2023).

развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». В своем прогнозе развития АПК в документе, при определении ключевых ориентиров дальнейшего развития сельского хозяйства, среди обозначенных девяти пунктов не приведено ни одного, относящегося к устойчивому развитию (ESG). Тема «экологизации и биологизации производства» нашла свое место только в ходе тезисного обзора значимых отраслевых тенденций³⁴.

Сельское хозяйство в структуре национальной «зеленой» таксономии

Исходя из сформулированных в проектах «Стратегии развития финансового рынка до 2030 года» и «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 гг.», рекомендаций о необходимости адаптации участников финансового рынка к новым видам рисков при переходе к экономике устойчивого развития, а также создания соответствующей инфраструктуры для направления средств в устойчивые активы, повышается значимость учета и изучения уже сложившихся зарубежных практик устойчивого финансирования. Обращение к общепринятым стандартам и практикам выглядит тем более обоснованным, поскольку на сегодня профессиональное экспертное поле конвенционально сходится во мнении о еще не сложившемся, но формирующемся рынке устойчивых (ответственных) финансовых инструментов, так и непосредственно «зеленых» инвестиционных проектов в России [«Зеленые» финансы, 2020].

В этой связи необходимо обратиться к нормативно-методологическим принципам, сформировавшим, как подчеркивается госкорпорацией развития ВЭБ.РФ, «каркас национальной системы “зеленого” финансирования»³⁵. Речь идет о разрабатывавшейся на протяжении свыше года, с марта 2020 г. по май 2021 г., национальной методологии по «зеленому» финансированию (*таксономии*), репрезентованной двумя правительственными регуляторными актами: Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р³⁶ и Постановлением Правительства № 1587 от 21 сентября 2021 года³⁷. В оценках

³⁴ Распоряжение Правительства России от 19 июня 2021 г. № 1671-р об утверждении «Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/953/953ee7405fb0ebba38a6031a13ec0021.pdf> (дата обращения 21.01.2023).

³⁵ Методология (Устойчивое развитие / ESG-финансирование) / ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/ustojchivoerazvitiye/zeljonoje-finansirovanie/metodologiya/> (дата обращения 21.01.2023).

³⁶ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе “зеленого”) развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107200045?index=0&rangeSize=1>.

³⁷ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов

значимости принятой таксономии прежде всего обращается внимание на долгожданное «установление на национальном рынке ясных и прозрачных критериев и правил для инвесторов, финансовых институтов и эмитентов и повышает уровень мотивированности участников финансового рынка к финансированию климатических и «зеленых» проектов» [И. А. Яковлев, Л. С. Кабир, С. И. Никулина 2021].

Однако, как и было уже упомянуто, необходимо оговориться: российский рынок устойчивого финансирования, несмотря на принятие таксономии и иных правительственных политик в сфере устойчивого развития (к которым, безусловно, относится тот же «Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года» (декабрь 2019 г.) и формируемые на его основе отраслевые (ведомственные) планы, «Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» (октябрь 2021 г.) и иные документы) скорее еще находится в стадии формирования и пока преждевременно говорить о сложившихся качественных стабильных признаках, прямо способных характеризовать его в качестве зрелого и сформировавшегося. Отчасти это признается и самим ВЭБ.РФ, наделенным, согласно Постановлению Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации» статусом *методологического центра*, с достаточно широким спектром полномочий в сфере разработки и актуализации правительственных регуляторных практик по формированию и развитию инвестиционной деятельности в сфере устойчивого (в том числе «зеленого») развития и привлечения внебюджетных средств в отечественные проекты устойчивого развития³⁸. Так, в ходе разъяснения порядка привлечения финансирования под проекты, получившие в рамках национальной методологии статус «зеленых», госкорпорация посчитала необходимым отдельно указать, «что на текущий момент нет никаких государственных институтов либо частных фондов, которые готовы автоматически предоставлять финансирование под финансовые инструменты, признанные “зелеными”»³⁹.

устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043>.

³⁸ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе “зеленого”) развития в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043>.

³⁹ FAQ (Устойчивое развитие / ESG-финансирование) / ВЭБ.РФ. URL: https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zelonoe-finansirovanie/faq/index.php?sphrase_id=86185 (дата обращения 21.01.2023).

Для целей нашего исследования принципиально, что в структуру основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития Российской Федерации, согласно Распоряжению Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р, входит отрасль сельского хозяйства⁴⁰. Соответственно, уже в Постановлении Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 приведены критерии проектов устойчивого (в том числе «зеленого») развития для сельского хозяйства. Причем критерии приведены отдельно по двум категориям проектам (таксономиям): «зеленым» и адаптационным. Непосредственно сельское хозяйство в таксономии «зеленых» проектов представлено восемью направлениями, в таксономии адаптационных проектов – четырьмя. (Табл. 4 и 5 приведены в соответствии с их отображением в тексте Постановления Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587).

Таблица 4 – Таксономия «зеленых» проектов в сельском хозяйстве

8. Сельское хозяйство		
№ п/п	Направление	Критерии соответствия «зеленым» проектам
8.1	Закупка с целью использования минеральных удобрений, позволяющих повысить эффективность усвоения питательных компонентов и сокращающих поступление вредных веществ в почву и грунтовые воды, а также парниковых газов при использовании в сельском хозяйстве	э Эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
8.2	Создание и модернизация ирригационной инфраструктуры для эффективного орошения сельскохозяйственных земель	э Эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
8.3	Создание и модернизация инфраструктуры использования сточных вод для сельскохозяйственных целей	п Подготовленная для орошения и удобрения земель вода соответствует требованиям санитарного законодательства
8.4	Реализация проектов, основанных на технологиях нулевой обработки сельскохозяйственных земель	Без дополнительных критериев
8.5	Реализация проектов, направленных на увеличение сева многолетних бобовых сельскохозяйственных культур с замещением сева иных культур	э Эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
8.6	Реализация проектов сельскохозяйственного	Эффект для окружающей среды и

⁴⁰ Примечание: Наряду с иными направлениями, такими как обращение с отходами; энергетика; строительство; промышленность; транспорт и промышленная техника; водоснабжение и водоотведение; природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие; устойчивая инфраструктура.

	земледелия на деградированных землях	климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
8.7	Реализация проектов в животноводстве, основанных на технологиях снижения выделения CH_4 при пищеварительном процессе крупного рогатого скота	д Для существующих производств – сокращение выделения CH_4 более чем на 20 процентов; для новых производств – эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
8.8	Реализация проектов, направленных на снижение загрязняющих веществ диффузного стока с сельскохозяйственных земель	Эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором

Таблица 5 – Таксономия адаптационных проектов в сельском хозяйстве

6. Сельское хозяйство		
№ п/п	Направление	Критерии адаптационных проектов
6.1	Создание и модернизация инфраструктуры хранения и переработки продукции сельского хозяйства (в том числе элеваторы, сушилки, холодильные установки и другое)	Для действующих производств – снижение выбросов CO_2e не менее чем на 20 процентов; для новых производств – эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором; снижение выбросов CO_2e должно составлять не менее 20 процентов в сравнении с выбросами аналогичных объектов на территории Российской Федерации
6.2	Создание и модернизация инфраструктуры складирования и длительного хранения навоза, в том числе с целью выделения и использования CH_4 в качестве возобновляемого источника энергии	Без дополнительных критериев
6.3	Производство и закупка новой сельскохозяйственной техники, реализация проектов, направленных на снижение выбросов парниковых газов в сельском хозяйстве	д Для действующих производств – снижение выбросов CO_2e не менее чем на 20 процентов; для новых производств – эффект для окружающей среды и климата определяется инициатором и подтверждается верификатором
6.4	Реализация проектов по химической мелиорации кислых и засоленных сельскохозяйственных земель с применением фосфогипса или извести с целью улучшения химических и физических свойств почв	Восстановление нейтрального кислотно-щелочного баланса почвенного раствора $\text{pH}=6,5-7,0$ за счет нейтрализации накапливающегося в почве солей и кислот соответствующим химическим мелиорантом

Архитектура Целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития Российской Федерации непосредственно соотнесена с Целями устойчивого развития ООН. Таковых, в качестве исходных, правительственным распоряжением определено девять:

1) Цель 6: Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;

2) Цель 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;

3) Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;

4) Цель 9: Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;

5) Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов;

6) Цель 12: Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;

7) Цель 13: Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;

8) Цель 14: Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;

9) Цель 15: Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию; рациональное лесопользование; борьба с опустыниванием; прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия.

Несомненным плюсом таксономии в рамках раздела «сельское хозяйство» является дифференциальный учет секторов – эмитентов парниковых газов. Как мы уже видели на примере *Табл. 1*, факторный вес, согласно данным федерального Росстата, каждого из приведенных пяти секторов-эмитентов различен, причем разрыв может достигать десятикратных значений. Наибольший объем эмиссии парниковых газов выпадает на два сектора – это *возделываемые почвы* и *внутренняя ферментация сельскохозяйственных животных*. В совокупности на них приходится 87,9 % от всего объема эмиссии CO₂-эквивалента в АПК России (на основе опубликованных Росстатом данных за 2019 год). Соответственно, оба самых крупных эмитента внесены в направления таксономии «зеленых» проектов. Из непосредственно связанных – это п. 8.4 «Реализация проектов, основанных на технологиях нулевой обработки сельскохозяйственных земель» и п. 8.7 «Реализация проектов в

животноводстве, основанных на технологиях снижения выделения CH_4 при пищеварительном процессе крупного рогатого скота».

Относительно менее карбоноёмкие секторы вошли в структуру таксономии адаптационных проектов – это *системы сбора и хранения навоза* (п. 6.2 «Создание и модернизация инфраструктуры складирования и длительного хранения навоза, в том числе с целью выделения и использования CH_4 в качестве возобновляемого источника энергии») и *известкование и внесение мочевины* (п. 6.4 «Реализация проектов по химической мелиорации кислых и засоленных сельскохозяйственных земель с применением фосфогипса или извести с целью улучшения химических и физических свойств почв»).

И только *рисоводство*, единственный сектор – эмитент парниковых газов в сельском хозяйстве – оказался не включен ни в одну из таксономий.

В целом привязка финансовых инструментов устойчивого развития к системе Целей устойчивого развития ООН является общепринятой международной практикой и конвенциональной по умолчанию. Так, например, в 2020 году в ходе эмиссий облигаций с привязкой к ключевым показателям эффективности устойчивого развития (*Sustainability Linked Bond, SLB*) бразильская Suzano (Suzano Papel e Celulose), действующая в секторе целлюлозно-бумажной индустрии, собственные *целевые показатели эффективности устойчивого развития (Sustainability Performance Targets, SPTs)* непосредственно увязывала с Целью устойчивого развития ООН № 13: «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями». Компания обязывалась к 2030 г. снизить на 15 % интенсивность выбросов парниковых газов в рамках своей операционной деятельности. А в июне того же 2020 года Pearson (Pearson plc), один из крупнейших игроков рынка образовательно-издательской деятельности Великобритании, разместила социальные облигации в объеме 350 млн фунтов стерлингов. В качестве соответствия Целям устойчивого развития ООН Pearson следует достижению 4-й цели: «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [Резванов Р. И., 2021].

И действительно, в целом все таксономические ряды национальных Целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития соотнесены с приведенными в правительственном распоряжении № 1912-р от 14.07.2021 Целями устойчивого развития ООН. С сельским хозяйством и агропроизводством конвенционально связана «профильная» Цель № 2 (ЦУР ООН): «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского

хозяйства»⁴¹. Причем о соотношении своих бизнес-миссий именно с Целью № 2, как правило, склонны говорить и российские сельскохозяйственные производители и агропромышленные компании⁴². Другое дело, что заявленное в таксономии направление «сельское хозяйство» оказалось никак не связанным с коррелируемой Целью № 2 и в структуре национальных Целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития, в итоге также не обозначенным.

В ходе анализа принятой таксономии обращает на себя внимание условность разделения ее критериев на «зеленые» и адаптационные. Показательно, что само Постановление Правительства РФ № 1587 (сентябрь 2021 г.) не содержит четких, ясных и структурированных характеристик для каждой из таксономий. Более того, описательная модель нормативного документа скорее даже не разграничивает и подробно прописывает, в чем и состоит ее функциональное значение для регуляторной практики, но сводит до степени смешения понимание как «зеленых», так и адаптационных проектов. Неудивительно, что смысловые пустоты в регуляторике оказались мгновенно заполнены интерпретационными моделями, пытающимися рационализировать возникшую разницу между «зелеными» и адаптационными критериями.

Так, достаточно авторитетная экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» (Infragreen.ru) объясняет сложившееся смешение, апеллируя к формальным признакам. Различие усматривается в том, что «зеленые» проекты могут быть реализованы по восьми направлениям, а адаптационные – по четырем⁴³.

Фактически обе таксономии соотнесены с девятью направлениями, приведенными в п.4 «Целей и основных направлений устойчивого (в том числе зелёного) развития Российской Федерации». Распоряжением Правительства РФ № 1912-р от 14 июля 2021 г. не предусматривается привязка основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития к конкретным проектным таксономиям – они одинаковы как для «зеленых», так и

⁴¹ Примечание: На прямое и непосредственное соотношение ЦУР ООН № 2 с аграрным производством, в частности, указывает завкафедрой экономики природопользования Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и руководитель Центра биоэкономики и экоиноваций при МГУ им. М.В. Ломоносова С.Н. Бобылев [Экономика устойчивого развития, 2021].

⁴² Например: Онлайн-дискуссия «Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности» / Агропромышленная выставка «Золотая осень – 2021», от 07 октября 2021. <https://sber.pro/events/selskoe-khoziaistvo-i-esg-transformatsiia-vyzovy-i-vozmozhnosti>; Круглый стол: «Устойчивое сельское хозяйство: этика, технология, экономика» / VIII Конгресс «Инновационная практика: наука плюс бизнес», 15 декабря 2021. <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021>; Экспертная сессия: «ESG в агро: “зеленый” или карбоновый?» / VIII Конгресс «Инновационная практика: наука плюс бизнес», 15 декабря 2021. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021>.

⁴³ Правительство России утвердило национальную таксономию “зеленых” и адаптационных проектов. 24 сентября 2021. URL: <https://infragreen.ru/news/pravitelstvo-rossii-utverdilo-naczionalnuyu-taksonomiyu-zelenyx-i-adaptaczionnyx-proektov.html>.

адаптационных проектов. Это видно при сравнении обеих таксономий – они абсолютно совпадают по направлениям (за исключением того, что направление «Устойчивая инфраструктура» присутствует только в критериях адаптационных проектов). Другое дело, что направления по таксономиям действительно количественно расходятся, что и привело к появлению подобной интерпретации.

Вторая объяснительная модель исходит из того, что таксономия разделена на «зеленую» и «ESG»-составляющие. Первая из них связана с низко- (без-) углеродной тематикой и экологией, а вторая с ESG-проблематикой, причем в каноническом значении как инструментов и проектов в сферах защиты окружающей среды, социальной и корпоративной ответственности. Достаточно показательно подобный подход оказался озвучен в ходе дискуссии «Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности» (в рамках одной из наиболее представительных российских агропромышленных выставок «Золотая осень – 2021»), где со стороны топ-менеджмента ПАО «Сбербанк» ситуация была охарактеризована следующим образом: «У нас уже есть, благодаря правительству, «зеленая» таксономия – четкое определение того, что такое «зеленые» и ESG-кредиты (в которые, помимо экологических аспектов, включены показатели социальной и корпоративной ответственности)»⁴⁴.

В целом необходимо признать, что само выпадение понятия «адаптационный проект» не выглядит совершенной случайностью. Дело в том, что российское нормативно-правовое пространство вообще не привязывает данное понятие к какому-либо конкретному семантическому полю. Адаптация как таковая предполагает процесс приспособления, но не приводится: в отношении каких изменяющихся динамических систем направлен этот процесс, т.е. к чему, к каким условиям происходит адаптация?

Подобная коллизия способствует ситуативному, а вовсе не логико-ориентированному определению таксономических рядов. Так, например, «производство и закупка сельскохозяйственной техники на экологичных источниках энергии» отнесена правительственным постановлением № 1587 (сентябрь 2021 г.) к направлению «Транспорт и промышленная техника» (п. 5.6 таксономии «зеленых» проектов). А уже производство и закупка новой сельскохозяйственной техники относится к направлению «Сельское хозяйство» (п. 6.3 таксономии адаптационных проектов). Помимо разнесения по разным

⁴⁴ Сбер готов выдавать сельхозпредприятиям «зеленые» и ESG-кредиты на специальных условиях, 08 октября 2021. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=ebc5681e-2ba5-41af-ac61-dfe8ce1f700f&blockID=7®ionID=50&lang=ru&type=NEWS>.

направлениям эти довольно-таки идентичные проекты (и там, и там оказывается производство и закупка сельскохозяйственной техники) оказываются столь же разнесенными и по разным таксономическим рядам. Но даже если попытаться определить сущность адаптационных проектов исходя из приведенного примера, то на поверку это окажется делом весьма затруднительным, поскольку границы кейсов в обоих случаях оказываются чрезвычайно размытыми.

В то же самое время никак нельзя утверждать, что отечественная нормативно-правовая и институциональная практика не имеет никакого давнего и вполне сложившегося опыта инструментального применения понятия *адаптивности* применительно к устойчивому развитию. Ситуация здесь выглядит совершенно обратной, в пользу чего можно привести два ключевых аргумента из сфер международного сотрудничества и российской внутренней политики.

Во-первых, российская сторона принимает активное и полноправное участие в работе *Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)*, созданной под эгидой ООН «с целью предоставления всеобъемлющих оценок состояния научного, технического и социально-экономического знания об изменении климата, его причинах, потенциальных последствиях и стратегиях реагирования»⁴⁵. МГЭИК в своей отчетности использует конвенционально одобренный терминологический аппарат. Так, в своем Глоссарии к Пятому оценочному докладу МГЭИК дает следующее определение: «*Адаптация (Adaptation)*: Процесс приспособления к существующему или ожидаемому климату и его воздействиям. В антропогенных системах целью адаптации является уменьшение или предотвращение ущерба или использование благоприятных возможностей. В некоторых естественных системах вмешательство человека может способствовать приспособлению к ожидаемому климату и его воздействиям»⁴⁶.

Столь же недвусмысленно трактует понятие адаптации и отечественная регуляторная практика в сфере устойчивого развития. Начиная с того, что в правительственном Распоряжении от 25 декабря 2019 года №3183-р понятие *адаптация* приводится в названии самого документа стратегического планирования: «Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года». Достаточно привести небольшой

⁴⁵ О Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК). URL: <https://www.ipcc.ch/languages-2/russian/>.

⁴⁶ МГЭИК, 2014 г.: Приложение II: Глоссарий [Мак, К. Дж., С. Плантон и К. фон Штехов (редакторы)]. В: Изменение климата, 2014 г.: Обобщающий доклад. Вклад Рабочих групп I, II и III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата [Основная группа авторов: Р. К. Пачаури и Л. А. Мейер (редакторы)]. МГЭИК, Женева, Швейцария, стр. 133–148.

фрагмент из текста распоряжения: «Принятие мер по адаптации к изменениям климата (далее – адаптация) необходимо для снижения потерь и использования выгод, связанных с наблюдаемыми и будущими изменениями климата»⁴⁷, чтобы развеять какие-либо оставшиеся сомнения о взаимосвязанности понятия адаптации с процессами климатических изменений.

Отметим, что со стороны ВЭБ.РФ косвенно признается условность различения обеих таксономий. Более того, как подчеркивает госкорпорация в своем официальном гайдлайне «Национальная “зеленая” методология и особенности ее применения», требования к финансовому инструменту (за исключением соответствия разным таксономиям) и к процессу получения и подтверждения «зеленого» статуса идентичны⁴⁸. Существенное различие, по сути, единственное: предполагается, что «зеленые» финансовые инструменты «могут быть привлекательны для иностранных инвесторов», соответственно, требования к адаптационным проектам «значительно мягче и в большей степени учитывают российские особенности и приоритеты» (несмотря на ранее прямо указанную в том же гайдлайне идентичность искомым требованиям). Следовательно, с учетом того, что «адаптационные проекты могут быть менее привлекательны для иностранных инвесторов, они выделены в отдельную категорию, чтобы *не смешивать* их с “зелеными” проектами»⁴⁹.

К критическому осмыслению принятой таксономии можно добавить и выводы, сделанные в рамках исследовательского проекта «Russia Growing Greener» («Россия становится “зеленее”») Группы Всемирного банка. В частности, в опубликованном за 2021 год отчете «Russia and Global Green Transition: Risks and Opportunities» («Россия и глобальный “зеленый переход: риски и возможности»), сомнению подвержен тезис о приоритетной привлекательности «зеленой» таксономии для привлечения внешних устойчивых инвестиций. По мнению авторов исследования, ископаемое топливо не считается «зеленым» в рамках подхода ЕС, в то время как российская «зеленая» таксономия устанавливает такие критерии проектов, как телоснабжение / теплогенерация / электрогенерация на природном газе (направление «энергетика»). Отчасти это относится и атомной энергетике, присутствующей в «зеленой» таксономии, – здесь, как полагают авторы, вопрос поддержки атомной энергетике, как чистого источника энергии, также нуждается в уточнении: предполагается содействие разработкам следующего

⁴⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.12.2019 № 3183-р «Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001040016>

⁴⁸ «Национальная “зеленая” методология и особенности ее применения» / ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/files/?file=de6c849a2c9595643948e2741229c24a.pdf>.

⁴⁹ Там же, с. 16.

поколения малых и усовершенствованных реакторов или сюда входят, в том числе крупные генерирующие установки?⁵⁰

Заключение

Резюмируя основные выводы статьи, отметим, что полноправное и целостное включение в 2021 году сельского хозяйства в структуру национальной «зеленой» таксономии ознаменовало собой значительный прогресс в вопросе подготовки инфраструктуры привлечения устойчивых финансовых инструментов в отрасль. При этом необходимо учитывать, по справедливому замечанию зампредела правления Россельхозбанка Анны Кузнецовой, что отечественные инвесторы пока не видят ESG-факторы в качестве приоритетных при финансировании проектов в российском АПК⁵¹. Сама возможность привлечения «зеленого» финансирования с использованием мер активной пруденциальной поддержки со стороны государства будет более активно стимулировать отечественных сельхозтоваропроизводителей к внедрению новых технологических практик и решений в своей операционной деятельности. К тому же не стоит забывать, что в ходе выстраивания национальной системы квотирования выбросов парниковых газов отрасль сельского хозяйства и АПК оказывается вовсе не исключенной, а на правах автономно действующей, но встроенной в общую матрицу процессов по достижению углеродной нейтральности российской экономики к 2060 году.

Отметим ряд ключевых тезисов настоящего исследования, в рамках которой анализируется проблематика устойчивого финансирования и национальной «зеленой» таксономии в отечественном сельском хозяйстве и АПК:

1. Объем эмиссии парниковых газов различен для сельскохозяйственных секторов-эмитентов. Модель национальной таксономии, по сути, следует дифференциальному подходу: наиболее крупные секторы-эмитенты оказались в структуре «зеленых» проектов, остальные (относительно с гораздо меньшей карбоновой эмиссией) – в структуре адаптационных проектов.

Принципиальным для выявленного кейса является то, что в приоритете оказался количественный фактор – в отличие от более устоявшихся и общепринятых подходов на основе сегрегации признаков по линии «зеленая» / «коричневая» модель (проект).

⁵⁰ Makarov, Igor; Besley, Daniel; Hasan, Dudu; Boratynski, Jakub; Chepeliev, Maksym; Golub, Elena; Nemova, Vladislava; Stepanov, Ilya. 2021. Russia and Global Green Transition : Risks and Opportunities. World Bank, Washington, DC. © World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36757> License: CC BY 3.0 IGO.

⁵¹ Экспертная сессия: «ESG в агро: “зеленый” или карбоновый?» / VIII Конгресс «Инновационная практика: наука плюс бизнес», 15 декабря 2021. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021>.

2. Несмотря на общий рост инвестиций в основной отраслевой капитал, тем не менее значительной и системообразующей в нем продолжает оставаться роль прямой либо косвенной государственной поддержки. При этом отрасль сельского хозяйства и АПК уже сталкивается со структурными проблемами в виде наметившейся тенденции сокращения доли сельского хозяйства в экономике страны и необходимости увеличения притока частных (внебюджетных) инвестиций – в 1,85 раза в 2024 году в сравнении с 2017 годом и с довольно высокими среднегодовыми темпами прироста на уровне 4,5 %.

Парадоксальным на фоне относительного инвестиционного роста в отрасли выглядит сокращение объемов экоинвестиций в сельском хозяйстве начиная с 2019 года. Учитывая ведущую роль государства в отраслевом инвестпроцессе, можно было предполагать скорее обратное движение в виде увеличения объемов «зеленой» составляющей в общеотраслевом финансировании. На качественное и структурное изменение ситуации потенциально способна оказывать принятая модель национальной «зеленой» таксономии и дальнейшее формирование связанной с ней инфраструктуры устойчивых (ответственных) финансовых инструментов.

3. Положительно оценивая само появление национальной «зеленой» таксономии, нельзя не отметить в ее структуре ряда нераскрытых, а также непрозрачных элементов.

3.1. Правительственное распоряжение от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе “зеленого”) развития Российской Федерации», апеллируя к системе Целей устойчивого развития ООН, тем не менее не включает в структуру национальных целей и направлений Цель № 2 ЦУР ООН, непосредственно связанную с аграрным производством. При этом направление «сельское хозяйство» является структурной составляющей национальных целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития.

3.2. Регуляторные акты не содержат аргументированного раскрытия либо объяснения дифференциального разграничения таксономии «зеленых» и адаптационных проектов. Такое положение приводит к рискам смешения и размывания при репрезентации проектов; появления у участников рынка различных интерпретационных (объяснительных) моделей в понимании данных проектов. При этом следует подчеркнуть, отечественная как регуляторная практика, так и практика международного сотрудничества достаточно активно оперирует понятием *адаптивности*, оказавшимся невольно за пределами эндемичной для нее регуляторики в сфере «зеленой» таксономии.

Список источников

1. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 147 с.
2. Динамика и структура ВВП России [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Правительстве РФ // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 62, июнь 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf.
3. «Зеленые» финансы: процесс развития и перспективы трансформации / Под общей редакцией д.э.н., профессора РАН Л.С. Кабир, д.э.н., профессора М.В. Сиговой. – М., СПб.: Изд-во АНО ВО «МБИ имени Анатолия Собчака», 2020. – 216 с.
4. **Кузьмин В.** Работа на марше // Российская газета. 28.09.2021, № 221 (8572). – С.2.
5. **Кулистикова Т.** Агросектор должен “позеленеть”. Инвестиции в экологизацию сельхозпроизводства становятся все более востребованными // Агроинвестор, № 8, 02 августа 2021 г. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/36279-agrosector-dolzhen-pozelenet-investitsii-v-ekologizatsiyu-selkhozproduktstva-stanovyatsya-vse-bolee/> (дата обращения 21.01.2023).
6. «На костылях госсубсидий» (Рубрика: Сельское хозяйство) // Коммерсантъ (Санкт-Петербург): «Экономический Форум», приложение № 97 от 06.06.2019, с. 26. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (дата обращения 21.01.2023).
7. **Островский А.В.** КНР: Итоги 13-й пятилетки – планы 14-й пятилетки // Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016– 2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов, А.Д. Александрова; отв. ред. А.В. Островский. – М.: ИДВ РАН, 2021. – 312 с.
8. **Резванов Р.И.** Восточная Европа в структуре концепции «Великого ускорения»: проблемы интерпретации или новая макроэкологическая дивергенция? // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15, № 4. С. 627–647.
9. **Резванов Р.И.** Имплементация международных практик устойчивого финансирования в национальную систему долговых инструментов. Могут ли инфраструктурные кредиты стать ответственными? // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 5. С. 62–78. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-62-78>. С. 66, 68–69].
10. **Резванов Р.И.** Доктрина Продовольственной безопасности (2020) и ESG-трансформация сельского хозяйства и АПК России // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 1 (39). С. 57–80.
11. Труд и занятость в России. 2019: Стат.сб. – М: Росстат, 2019. – 135 с.
12. Экономика устойчивого развития / С.Н. Бобылев. – М.: КНОРУС, 2021. – 672 с.

13. **Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И.** Изменения климатической политики и финансовых стратегий ее реализации в ЕС и России // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 5. С. 11–28. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-11-28>.

14. UNEP, 2011, Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers, www.unep.org/greeneconomy. –P. 52.

References

1. Agro-industrial complex. Statistics of the Eurasian Economic Union: statistical compendium; Eurasian Economic Commission. – Moscow: 2020. – 147 p. (In Russ.).

2. Dynamics and structure of Russia's GDP [Electronic resource] / Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Byulleten' o tekushchih tendentsiyah rossijskoj ekonomiki, No. 62, June 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf (In Russ.).

3. «Green» finance: the process of development and prospects for transformation / Under the general editorship of Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences L.S. Kabir, Doctor of Economics, Professor M.V. Sigova. – M., St. Petersburg: Publishing House of Sobchaks MBI, 2020. – 216 p. (In Russ.).

4. **Kuzmin V.** Work on the march // Rossijskaya gazeta. 09/28/2021, No. 221 (8572). (In Russ.).

5. **Kulistikova T.** The agricultural sector should turn green. Investments in the greening of agricultural production are becoming more and more in demand // Agroinvestor, No. 8, August 02, 2021 (In Russ.). – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/36279-agrosektor-dolzhen-pozelenet-investitsii-v-ekologizatsiyu-selkhozproduktstva-stanovyatsya-vse-bolee> / (accessed 21.01.2023).

6. «On crutches of state subsidies» (Heading: Agriculture) // Kommersant (St. Petersburg). «Economic Forum», No. 97 of 06/06/2019, p. 26. (In Russ.). – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (accessed 21.01.2023).

7. **Ostrovsky A.V.** PRC: Results of the 13th Five-Year Plan – Plans for the 14th Five-Year Plan // Social and Economic Results of the 13th Five-Year Plan of the PRC (2016-2020) and Tasks of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) / Ros. acad. Sciences, Institute of the Far East; comp. P.B. Kamennov, A.D. Alexandrova; resp. ed. A.V. Ostrovsky. – M.: IFES RAS, 2021. – 312 p. (In Russ.).

8. **Rezvanov R.I.** Eastern Europe in the Structure of the «Great Acceleration» Concept: Problems of Interpretation or a New Macroecological Divergence? Science Governance and Scientometrics. 2020; 15(4):627–647 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2020.15-4.627-647>.

9.**Rezvanov R.I.** (2022). Food Security Doctrine (2020) and ESG-transformation of Russian Agriculture // Proceedings of the International Banking Institute. № 1 (39), pp. 57–80. (In Russ.).

10.**Rezvanov R.I.** (2021). Implementation of International Sustainable Financing Practices Into the National Debt System. Can Infrastructure Loans Become Responsible? // Financial Journal, vol. 13, no. 5, pp. 62–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-62-78>.

11.Labor and employment in Russia. 2019: Stat. – M: Rosstat, 2019. – 135 p. (In Russ.).

12.Economics of sustainable development / S.N. Bobylev. – M.: KNORUS, 2021. – 672 p.

13.**Yakovlev I.A., Kabir L.S., Nikulina S.I.** (2021) Changes in Climate Policies and Financial Strategies of Their Implementation in the EU and Russia. // Financial Journal, vol. 13, no. 5, pp. 11–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-11-28>.

14.UNEP, 2011, Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers, www.unep.org/greeneconomy. – P. 52.